Быть прощённым.

– Да я бы этого предателя в порошок стер!– воскликнул Петька, услышав историю о предательстве Христа Иудой.

От гнева его длинное лицо ещё больше вытянулось, а торчащие пучками волосы вздыбились ещё сильнее, обнажив спрятанные широкие уши.

Игорь молча улыбнулся. А Петька всё никак не мог успокоиться:

–Да я бы... да я бы!

Неизвестно, какую ещё казнь хотел придумать Петька для Иуды, но его праведный гнев резко прервала их воспитатель.

–О чём вы там шепчетесь?!

–Ольга Николаевна,– немного успокоившись, спросил Игорь, – а вы когда-нибудь слышали историю о предательстве Иуды?

–Какого такого Иуды?

–Ну того, который предал Христа!

Первое имя, вероятно, не было знакомо воспитательнице, но второе она очень хорошо знала, настолько, насколько положено было знать атеисту в атеистической стране. Лицо её исказилось и, обратив свой гневный взор на Игоря, Ольга Николаевна то ли прошипела, то ли процедила сквозь зубы:

–Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не распространял свой фанатичный бред!

— Это не бред, это правда.

–Да откуда тебе, третьекласснику, знать, что такое правда? – уже взяв себя в руки, ответила воспитательница.

–Мне отец об этом рассказывал.

— Это тот, которого советский суд, самый справедливый суд мира, признал виновным в антисоветской деятельности? Мало ли каких небылиц он мог тебе нарассказывать,– как бы поставила точку в их диалоге Ольга Николаевна.

— Это вы небылицы рассказываете, а мне папа в письме написал, что самый справедливый суд у Бога, и в своё время, Он расставит все точки над "i",– защищая своего отца, возразил Игорь.

Петька задрожал от страха, он понимал, что сейчас может произойти. В школе все дети боялись, когда Ольга Николаевна просто хмурит брови из-за какой-то детской

шалости. Но спорить с ней никто никогда не решался. Это было равносильно подписанию самому себе смертного приговора.

Хлёсткая пощечина сбила хрупкого Игоря с ног.

–Ах ты... Ах ты... Псина такая, баптистское отродье! Как ты тявкаешь на советскую власть,– неистовствовала она, подымая жертву за шиворот.– Это я сказки рассказываю? Да я тебя в порошок сотру!

–Ольга Николаевна, оставьте мальчика в покое,– раздался из коридора голос директора.

Вздрогнув, она на мгновение ослабила свою хватку. Воспользовавшись этим мгновением, Игорь схватил друга за руку, и они побежали прочь от опешившей воспитательницы. Мысленно он благодарил старшеклассника Жеку, который умел так хорошо подражать голосу директора школы. Именно он, заглянув в комнату и увидев происходящее, решил им помочь. Прокричав свою фразу, он тотчас скрылся за дверью, а за ним и двое друзей.

Добежав до давно не работающей душевой комнаты возле спортзала, они решили укрыться там. В ней иногда лежали маты, которые не помещались в кладовой спортинвентаря. Именно на них удобно расположившись, они переводили дыхание после стремительного побега.

Немного успокоившись, Игорь спросил:

–Петь, а как ты думаешь, почему Ольга Николаевна, такая злая?

–Не знаю...

–А я знаю, потому что в ней нет Божьей любви.

–А какая она, Божья любовь?

–Мама мне говорила, что Бог любит меня больше, чем она. Ты можешь себе это представить?

–Нет, я даже не знаю, что такое мамина любовь.

В душевой повисло молчание. Игорь думал о чем-то своём. А Петька перебирал в памяти сегодняшние события. День с самого утра выдался хорошим, воскресение вообще не бывает плохим. Большая часть воспитанников школы на выходные разъезжалась по домам. Из его класса, кстати сказать, самого большого – тридцать три ученика, оставалось всего семь человек: их двое да ещё пять девчонок. Всех, кого оставили, считались сиротами.

На самом деле, родители Петьки и Игоря были живы. Петькины – от него отказались, а отца Игоря посадили в тюрьму за веру в Бога, а его самого забрали у многодетной мамы, сославшись на то, что она не может предоставить должное внимание и уход.

Став друзьями по несчастью, Петька и Игорь со временем превратились в настоящих друзей. Оба неплохо учились, оба любили читать книги, что их объединяло ещё больше. Единственное, чего Петька не мог понять и разделить, так это молитв Игоря, которые тот творил каждый день перед сном.

Сегодня у друзей случился не просто выходной, но ещё и христианский праздник – Вербное воскресение. Конечно же, в школе, состоящей из октябрят, пионеров и даже комсомольцев, места для таких праздников не было. Но в их дружеском союзе место нашлось. После обеда они приютились в игровой комнате, и Игорь рассказывал своему другу об евангельских событиях... В этих рассказах он и упомянул об истории предательства Христа Иудой. После этого рассказа и случилась та самая история с воспитательницей.

По урчанию в животе Петьке стало понятно, что приближается время ужина, и им нужно идти в столовую

–Давай помолимся, чтобы всё было хорошо,– вдруг предложил Петька.

–Давай,– улыбаясь согласился Игорь

Они встали на колени:

–Боже, сделай так, чтобы Ольга Николаевна нас сегодня больше не обижала. Аминь.

–Аминь,– подтвердил молитву друга Петька, и они смело пошли на ужин.

В этот вечер, к Петькиному удивлению, воспитательница, казалось, вообще не замечала их.

Но события, которые произошли потом, показали, что она ничего не забыла.

В понедельник Ольга Николаевна была особенно с ним ласковой. Игоря же для неё вообще как будто бы не существовало.

–Петенька,– сказала воспитательница на самоподготовке,– ты очень умный мальчик, у тебя может быть хорошее будущее в рядах коммунистической партии, но для этого нужно правильно выбирать друзей.

Эту её фразу слышали все. Конечно же, Петька был польщён. Похвала из уст Ольги Николаевной, приравнивалась к тому, как если бы сам Андропов приехал к ним и пожал мальчику руку. А ещё те, кого она хвалила, получали некий иммунитет от наказаний с её стороны, как минимум на неделю. Конечно, только в том случае, если ничем перед ней не провинились.

Во вторник их класс задержали после обеда, и пионервожатая провела дополнительное занятие с ними, как с будущими пионерами. А ещё напомнила, что на следующей неделе, в четверг, будет приём в пионеры лучших из лучших. Остальных же, непутевых, тоже примут, но через месяц.

После собрания Ольга Николаевна подозвала к себе Петьку и снова во всеуслышание заявила:

–Петенька, надеюсь и верю, что ты достоин быть в первой партии. Правда, твоя дружба с антисоветским элементом,– в этот момент она многозначительно посмотрела на Игоря,– может всё испортить...

После этих слов она ушла прочь, их класс начал тоже расходиться. Скоро в пионерской комнате остались только Игорь и Петька.

–Ты представляешь, Игорёк, я скоро буду пионером,– мечтательно воскликнул Петька,– это так здорово!

–Нет, не здорово, мне отец говорил, что пионером быть плохо.

–Почему это?

–Потому что пионеры верят не Богу, а человеку.

–Да что ты говоришь такое, мы верим партии!

–А партия из кого состоит?

–Хм, - почесав затылок, задумался Петька,– а ведь и правда из людей,– он немного аж погрустнел, но потом его осенила мысль,– правильно, из людей, но зато из самых лучших людей!

–Например, таких как Ольга Николаевна...

–А мне она плохого ничего не сделала,– огрызнулся Петька.

С этого разговора их дружба начала трещать по швам. И хотя было заметно, что Игорь изо всех сил старается её сохранить, Петька стал понимать, что тёплым отношениям приходит конец.

Он всё больше отдалялся от Игоря, стараясь вообще с ним не разговаривать. Начал при нём выражаться плохими словами, чего старался раньше не делать. Единственное, от чего он не мог и не хотел отказываться, так это от дополнительного пайка по пятницам. В этот день Игорь был в посте, и потому всё самое вкусное доставалось Петьке.

Так случилось и в эту пятницу. На обед были котлеты, которые Петька очень любил, и потому сильно обрадовался, когда увидел не одну, а две, на своей тарелке.

–Спасибо,– машинально поблагодарил он Игоря.

Но тот лишь грустно посмотрел в его сторону, ничего не ответив. А уже после обеда случилось то, о чём Петька потом очень сильно сожалел. Он даже почти перестал хотеть быть первым пионером из всех мальчишек в их классе.

Когда все поели, Ольга Николаевна собрала всех в актовом зале. Нужно было срочно провести репетиции стихов и песен, приготовленных на праздник дня рождения великого вождя – Ленина.

Конечно же, ослушаться никто не посмел, и когда же все собрались, Ольга Николаевна вдруг спросила у Игоря:

–А где твой значок октябрёнка?

–Я его выбросил...

–Что-о-о? Да как ты посмел так поступить, ладно бы ты был где-то на прогулке и снял его, чтоб не потерять, это я могу понять!

Петьке почему-то показалось, что её гнев более наигран, чем натурален, а речь заранее приготовлена.

–А-ну, выходи на сцену!

Игорь робко, стараясь не подходить близко к воспитательнице, поднялся, куда ему повелели.

–Что, боишься, поповский угодник? Правильно!– Ольга Николаевна говорила громко, больше обращаясь к детям, настраивая их против Игоря. – Вы посмотрите на него! Сын преступника, который не хочет быть таким как все. Не хочет быть октябрёнком, не хочет быть пионером.

Игорь стоял на сцене, даже не подозревая что будет дальше. Никто не догадывался, что на этот раз затеяла воспитательница. Ясно было одно, бить не будет. Обычно тумаки и подзатыльники с оплеухами сыпались без прелюдий и предупреждений.

— Вот, посмотрите на Петю, примерный мальчик, хороший ученик и будущий пионер! Уж он то знает, как важно хранить знаки принадлежности нашей великой партии. Смотрите как блестит его значок октябрёнка, почти как новый.

И действительно, вопреки своей неряшливости, Петька любил свой значок, и всегда следил, чтоб он блестел.

От такой заслуженной похвалы, ему стало очень приятно. Но потом прозвучало то, что вмиг испортило Петьке настроение:

–Петя,– продолжала Ольга Николаевна,– ни для кого не секрет, что вы с Игорем друзья, хотя к похвале твоей скажу - мне приятно, что ваши дружеские отношения немного поостыли. Но сегодня я прошу тебя, помоги Игорю, как другу, стать лучше. Прикрепи ему на грудь свой значок.

Только не это... Петька аж похолодел внутри. Он понял, что оказался в ловушке. Его детского понимания не хватило, чтобы заранее понять коварный план мести воспитательницы. А теперь было поздно отступать, не было ни сил, ни воли…

Всё то, что ещё было доброго в Петьке, боролось против предательства друга. А ведь именно сейчас это и должно было произойти. Предательство! И не было ни каких сомнений, что после этого шага, надежды на восстановление дружбы не будет.

На весах рассуждений Петьки оказалось так много. На одной чаше лежал страх, перед лишением приоритетного права быть в глазах Ольги Николаевны хорошим и стать пионером в числе ПЕРВЫХ. На другой, почти разрушенная им самим, дружба.

Рука медленно поднялась к значку. Привычным движением Петька его отстегнул. Посмотрел на чеканенное детское лицо маленького Ленина, как бы ища у него поддержки и совета. Но тот молчал, как молчат все умершие.

Первый шаг было сделать труднее всего. А потом Петька почти вбежал на сцену и резким движением, даже не осознавая, что причиняет физическую боль, со словами: «Ты сам во всём виноват!» воткнул значок в грудь Игорю. На глазах у друга, заблестели слёзы. Но он ничего не сказал, не застонал, а всё стерпел молча.

–Молодец, Петя, ты настоящий пионер и сегодня доказал это! –в голосе Ольги Николаевны звучало торжество.

–Петька, ну ты даёшь, здорово ты ему задал!– подбодрил кто-то из зала.

А вслед за ним и остальные начали хвалить и поздравлять новоявленного героя. Вот только радости от этого на душе у Петьки не было.

До самого принятия в пионеры он ходил сам не свой. Ему думалось, что Игорь возненавидел его навсегда. От горестных мыслей не могла отвлечь даже приятная суета, связанная с подготовкой к предстоящему празднику. Петька вдруг вспомнил историю про Иуду, и мысль о том, что он сам, как Иуда, не оставляла его.

А потом наступил долгожданный момент – Петьку в первых рядах приняли в пионеры. Но ни торжественность обстановки, ни исполнение заветного желания не принесли ожидаемой радости и облегчения. Совесть настойчиво твердила: «Иуда» и камнем давила на сердце.

А потом наступила пятница. Перед обедом, ещё даже не зайдя в столовую, Петька по запаху почувствовал, что сегодня будут картофельные зразы с мясом. Это было его самое-самое любимое блюдо!

Когда он подошел к своему месту, то, к удивлению, обнаружил в своей тарелке, вместо двух положенных, аж целых четыре зраза. Конечно же, Петька догадался, кто удвоил его порцию. Вихрь мыслей закрутился в голове. Он поднял глаза и встретился взглядом с Игорем. А тот добродушно, робко улыбался, совсем как раньше. Игорь вздохнул, глубоко-глубоко, и вмиг в его душе просветлело. Он понял, что должен сделать, несмотря ни на что, понял, что это будет правильно! Камень, давивший сердце всю неделю, свалился с души, и стало легко- легко!

Петька очень хорошо сознавал, какие будут последствия. Но не колеблясь больше ни секунды, он подошел к Игорю и достаточно громко, так, чтобы услышали все одноклассники и воспитательница, произнёс:

–Друг, прости меня, пожалуйста,– и сняв пионерский галстук, засунул в карман.
Не боялся он больше гнева Ольги Николаевны, не хотел быть в первых рядах пионеров. Хотел быть рядом с другом, настоящим, который мог прощать так, как Христос прощал. И понял Петька, что быть прощённым, значит быть самым счастливым.

Ярослав Лобань